

Научная статья

УДК 342.72/73+811.581.11

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-36-47

Транскультурация правового дискурса: перевод понятия «жэньгэцюань» в контексте диалога России и Китая

Юэ Цян

Шанхайский политико-юридический университет
Шанхай, Китай

yuexiang850510@sina.com, <https://orcid.org/0000-0002-9531-199X>

Аннотация

Анализируется процесс перевода понятия «人格权 жэньгэцюань» из Гражданского кодекса КНР на русский язык в рамках транскультурационного подхода. Выявляется «концептуальный разрыв» в русскоязычном контексте через анализ семантической структуры термина и его инновационной роли в китайской правовой системе. Прослеживается эволюция переводческих решений от адаптивного заимствования «личных неимущественных прав» к креативной реконструкции «прав личности», обобщается комплекс стратегий транскультурации (адаптивное заимствование, креативная реконструкция, межкультурная интерпретация, унификация). Процесс перевода представлен как динамический механизм концептуальной навигации и совместного смыслостроительства, отражающий адаптацию китайской правовой концепции в русском юридическом дискурсе и являющийся микроуровневым проявлением диалога правовых цивилизаций. Работа демонстрирует, что эффективная транскультурация требует стратегического диалога и ведет к созданию гибридных концептуальных продуктов, предлагая практическую модель и методологический ориентир для перевода терминов при международном распространении китайского правового дискурса, что важно для углубления правового и культурного обмена между Китаем и Россией.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках Шанхайского фонда для проекта № 2024EGJ004 «A Corpus-Based Case Study of the Pluralistic Dispute Resolution Mechanism under the Shanghai Cooperation Organization Framework»

Ключевые слова

китайско-российский правовой диалог, права личности, транскультурация правового дискурса, сравнительное правоведение, концептуальный разрыв

Для цитирования

Юэ Цян. Транскультурация правового дискурса: перевод понятия «жэньгэцюань» в контексте диалога России и Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 36–47. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-36-47

© Юэ Цян, 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 36–47

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 36–47

Transculturation of Legal Discourse: Translating “人格权 *rén gé quán*” in the Context of Russian-Chinese Dialogue

Yue Qiang

Shanghai University of Political Science and Law,
Shanghai, China

yueqiang850510@sina.com, <https://orcid.org/0000-0002-9531-199X>

Abstract

This study analyzes the translation process of the concept “人格权 *rén gé quán*” from the Civil Code of China into Russian within a transcultural approach. A “conceptual gap” is identified in the Russian-language context by examining the term’s semantic structure and its innovative role in the Chinese legal system. The evolution of translation solutions – from the adaptive borrowing of “личных неимущественных прав” (personal non-property rights) to the creative reconstruction of “прав личности” (personality rights) – is traced, and a complex of transcultural strategies (adaptive borrowing, creative reconstruction, intercultural interpretation, unification) is synthesized. The translation process is presented as a dynamic mechanism of conceptual navigation and collaborative meaning construction, reflecting the adaptation of the Chinese legal concept within Russian legal discourse and serving as a micro-level manifestation of dialogue between legal civilizations. The study demonstrates that effective transculturation requires strategic dialogue and leads to the creation of hybrid conceptual products, offering a practical model and methodological framework for translating terms in the international dissemination of Chinese legal discourse, which holds significant importance for deepening legal and cultural exchanges between China and Russia.

Funding

Prepared within the framework of the Shanghai Foundation for project no. 2024EGJ004 “A Corpus-Based Case Study of the Pluralistic Dispute Resolution Mechanism under the Shanghai Cooperation Organization Framework”

Keywords

Sino-Russian legal dialogue, personality rights, transculturation of legal discourse, comparative law, conceptual gap

For citation

Yue Qiang. Transculturation of Legal Discourse: Translating “人格权 *rén gé quán*” in the Context of Russian-Chinese Dialogue. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 36–47. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-36-47

Перевод правового дискурса социализма с китайской спецификой на иностранные языки является важной основой для формирования национальной дискурсивной системы, развития международных культурных обменов и распространения концепций глобального управления. В этом процессе точный перевод ключевых юридических терминов, укорененных в китайской практике и сочетающих национальные особенности с международной универсальностью, имеет решающее значение для участия Китая в разработке международных правил и построения системы правового дискурса, ориентированной на зарубежные страны [У Шэньхун, 2022, с. 125]. Принятие Гражданского кодекса (ГК) КНР стало историческим законодательным достижением, привлекшим мировое внимание. Структурное решение о выделении «прав личности» (人格权 *жэньгэцюань*) в отдельный раздел считается ключевой инновацией и отличительной чертой ГК, создавшей новую правовую категорию, не имеющую прямых прецедентов в сравнительном правоведении [Чжан Фалянь, Ху Сяофань, 2023, с. 20].

Это событие вызвало значительный интерес международного, в том числе российского, академического сообщества. В России исследования китайского законодательства сосредоточены в ведущих научных центрах: ИДВ РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения, МГУ, СПбГУ. Работы российских ученых часто затрагивают макроэкономические и политические аспекты, тогда как глубокий анализ новейших кодексов, включая ГК КНР, остается нереализованным. В международной компаративистике уникальная структура ГК КНР, особенно выделение «прав личности», обсуждается такими учеными, как Л. Кнют, Х. Фу, Н. Фостер. Однако в существующих работах (как российских, так и зару-

бежных) акцент делается на институциональном значении или социополитическом контексте, в то время как лингвистико-правовым механизмам трансляции уникальных концептов, эволюции стратегий их перевода и роли этого процесса как формы правового диалога уделяется недостаточно внимания. Переводческие решения часто упоминаются без системного анализа их генезиса и функционального значения.

Настоящее исследование направлено на восполнение этой лакуны, фокусируясь на микроуровне терминологического выбора как на призме диалога правовых культур, а именно на процессе перевода термина «*жэньгэцюань*» на русский язык. Систематическое изучение перевода данного концепта, особенно эволюции переводческих стратегий и их связи с диалогом правовых систем, остается фрагментарным. Существующие работы часто ограничиваются констатацией переводческого факта или предложением отдельных вариантов, не раскрывая системной логики терминологического выбора. Данное исследование призвано восполнить этот пробел, сосредоточив внимание на реконструкции динамического процесса стратегических выборов, отражающего диалог и адаптацию правовых культур.

Концептуальное содержание «*жэньгэцюань*» определяется статьей 990 ГК КНР, однако его уникальность укоренена в богатом семантическом поле китайского языка и особой законодательной философии Китая, ориентированной на системную защиту человеческого достоинства. Это сочетание создает фундаментальную трудность для перевода, порождая необходимость стратегического выбора, выходящего за рамки простой номинации. Логика, эволюция и последствия этого выбора как проявления транскulturации станут предметом рассмотрения в данной работе.

Для точного понимания сложностей перевода «права личности» необходимо прежде всего обратиться к его семантическим истокам в китайском языковом контексте и прояснить ключевое содержание этой правовой концепции. Термин «人格 *Жэньгэ*» в китайском языке характеризуется полисемией, а его многоуровневая семантическая структура формирует глубокую интеллектуальную основу для построения такого юридического понятия, как «人格权 *жэньгэцюань*». Как важное понятие современного китайского языка, значение термина «人格 *Жэньгэ*» характеризуется явной многоуровневостью и исторической изменчивостью. Согласно определению, данному в «Современном словаре китайского языка» (5-е издание), «личность» означает «совокупность характеристик человека, таких как характер, темперамент, способности; моральные качества человека, а также его правосубъектность как носителя прав и обязанностей». Само это определение раскрывает сложную семантику термина.

С точки зрения этимологии термин «личность» восходит к древнегреческому слову, обозначавшему «маску», и позже был заимствован современной психологией для обозначения совокупности внешних проявлений и внутренних устойчивых психологических характеристик индивида¹. В процессе модернизации китайского языка начиная с Нового времени это слово постепенно развило следующие три основных смысловых уровня.

1. Психологический и этический уровень. Означает совокупность психологических характеристик личности, таких как характер, темперамент, способности, и связанных с ними моральных качеств. Например, Цай Юаньпэй высказал мысль о том, что «здоровая личность» должна включать четыре составляющих: моральное, интеллектуальное, физическое и эстетическое воспитание²; Лян Цичао считал «верность и сыновнюю почтительность» «важней-

¹ Сяньдай жэньгэ суцзао дэ личэн юй чжунгоши сяньдайхуа чжун дэ жэньгэ суцзао [现代人格塑造的历程与中国式现代化中的人格塑造]. История формирования современной личности и формирование личности в процессе развития современного китайского литературного языка. (на кит. яз.) URL: https://cssn.cn/zkzg/202503/t20250328_5865130.shtml (дата обращения 15.12.2025).

² В 1920 г. Цай Юаньпэй в работе «Общее образование и профессиональное образование» обобщил принципы нового образования как всестороннее развитие физических, интеллектуальных, моральных и эстетических качеств, определив его цель как «воспитание здоровой личности» и «развитие республиканского духа».

шими элементами личности»³. Эти высказывания указывают на внутреннюю целостность и этическую природу индивида.

2. Социологический и философский уровень. Означает индивида как носителя социальных отношений, обладающего социальными атрибутами. Этот смысловой акцент подчеркивает роль и взаимодействие человека в социальной структуре, его содержание близко к русскому понятию «личность». В современном контексте термин «личность» распространился на психологические характеристики и комплексные способности, необходимые индивиду для адаптации к современному обществу, т. е. «современность» человека⁴.

3. Юридический уровень и уровень теории прав. Означает правосубъектность человека как носителя прав и обязанностей в правовом смысле⁵. Это ключевой этап трансформации понятия «личность» из философской и социологической категории в основополагающую правовую категорию, формирующий юридическую основу термина «права личности». Это определение занимает классическое положение в теории гражданского права континентальной системы права и также отражено в основных китайских правовых учебниках и научных трудах.

Таким образом, три семантических уровня термина «личность» не изолированы друг от друга, а представляют собой прогрессивную структуру: от внутренней индивидуальности (психологической, моральной) к внешней социальности (общественной) и в итоге к абстрактной правовой субъектности. Эта многозначная и сложная семантическая структура совместно обеспечивает смысловую поддержку правовой концепции «人格权 жэньгэцюань», а также составляет глубинные причины трудностей понимания и эквивалентности, возникающих при межъязыковом переводе.

«人格权 жэньгэцюань», установленные ГК Китая, представляют собой системную и инновационную законодательную конструкцию, основанную на третьем из указанных выше значений термина «人格 Жэньгэ» – правосубъектности. Концептуальное содержание данного термина определяется статьей 990 ГК КНР путем «конкретного перечисления с открытым обобщением», которая охватывает такие конкретные права, как право на жизнь, здоровье, имя, репутацию, неприкосновенность частной жизни и др. Однако для адекватного понимания его уникальности в сравнительно-правовом ключе недостаточно простого перечисления. Необходимо прояснить его системное место и охранительную философию в рамках китайского права, а также его соотношение со смежными понятиями.

Прежде всего «人格权 жэньгэцюань» следует отличать от других категорий личных («неимущественных») прав в китайской правовой доктрине. Традиционно выделяются: 1) «人身权 жэньшэньцюань» – права, связанные с физической и биологической целостностью личности (жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность); 2) «身份权 шэньфэньцюань» – права, вытекающие из конкретного семейного или социального статуса (права супругов, родителей, автора); 3) «人格权 жэньгэцюань» – права, обеспечивающие социальное достоинство и ин-

³ «Теория о новом гражданине» – политический трактат, созданный Лян Цичао в начале XX в. Книга, появившаяся на фоне национального кризиса в конце эпохи Цин, ставила своей главной целью содействие модернизации Китая через идеологическое просвещение. В пятом разделе «О заслугах и добродетели» упоминается: «Преданность и сыновняя почтительность – две важнейшие составляющие личности».

⁴ Сяньдай жэньгэ суцзао дэ личэн юй Чжунгоши сяньдайхуа чжун дэ жэньгэ суцзао [现代人格塑造的历程与中国式现代化中的人格塑造]. История формирования современной личности и формирование личности в процессе развития современного китайского литературного языка. (на кит. яз.) URL: https://cssn.cn/zkzg/202503/t20250328_5865130.shtml (дата обращения 15.12.2025).

⁵ Данная формулировка является классическим определением в теории гражданского права континентальной правовой системы, заключенным в гражданских кодексах, учебниках по праву и юридических словарях различных стран, что отражает ключевое содержание правосубъектности как правоспособности. Соответствующее выражение также встречается в главах о «субъектах гражданских правоотношений» или «правоспособности» в учебнике права, подготовленном в Китайском Народном университете [Ван Лимин, Ши Цзяю, 2020].

дивидуальность личности как правового субъекта, ее «лицо» в обществе (имя, репутация, честь, неприкосновенность частной жизни).

В ГК КНР «人格权 жэньгэцюань» используется как обобщающая, интегративная категория, которая вбирает в себя содержание «人格权 жэньшэньцюань» (защита физического существование) и расширяет его, акцентируя защиту социально-духовного бытия личности. Тем самым он преодолевает узкие рамки прежних классификаций. Это построение является не только систематической интеграцией различных конкретных личных интересов, но и глубоким откликом на эволюцию концепции прав и возвышение ценностей в процессе модернизации правовой системы Китая. Инновационность в основном проявляется в следующих трех аспектах.

1. Преодолена традиционная для континентальной системы права ситуация, при которой личностные интересы в основном регулируются нормами о деликтной ответственности или разрозненно упоминаются в различных разделах. «人格权 жэньгэцюань» впервые выделены в самостоятельный раздел, поставленный наравне с разделами о вещных правах, договорах и других имущественных правах. Это не просто техническое новшество, а принципиальная системная позиция. Такое структурное расположение в кодексе ярко демонстрирует приоритетную ценность человеческого достоинства и защиты личности, знаменуя переход прав личности от вспомогательной охраняемой законом выгоды к самостоятельной системе основных прав с собственной логикой развития и защиты. Это создает основу для системной, а не фрагментарной защиты личности.

2. Преодолена прежняя пассивная (реактивная) модель защиты, ориентированная в основном на последующее деликтное возмещение ущерба. ГК КНР позитивно и систематически закрепляет содержание, границы и порядок осуществления конкретных прав личности (например, подробные положения о защите права на неприкосновенность частной жизни и персональных данных, запрете домогательств). Это отражает смену парадигмы с «запрета нарушений» на «активное закрепление и гарантирование прав». Формируется многоуровневый механизм защиты, который сочетает превентивные меры (например, право требовать прекращения действий, создающих угрозу нарушения прав) с компенсационными функциями, что в корне меняет традиционное понимание защиты личных прав в гражданском праве.

3. «人格权 жэньгэцюань» как обобщающая, вышестоящая концепция – не простое перечисление конкретных прав, таких как право на жизнь, здоровье, репутацию, а носитель множества функций. Она выполняет роль: 1) провозглашения ценностей – утверждает достоинство личности как основополагающую ценность гражданско-правового порядка; 2) системной интеграции – объединяет разнородные охраняемые законом личностные интересы (от физической целостности до цифровой неприкосновенности) в органически взаимосвязанное нормативное целое; 3) сохранения открытости – оставляет концептуальное пространство для судебного и доктринального признания новых видов личных прав, которые могут появиться в будущем (принцип «открытого перечисления»).

Таким образом, «人格权 жэньгэцюань» в китайском праве представляют собой сложное правовое творение, укорененное в национальной семантической традиции и объединяющее субъективную этическую правосубъектность, системную законодательную конструкцию и инновационную превентивно-охранительную философию. Фундаментальная задача их перевода на русский язык заключается в том, как точно и полно передать этот уникальный концептуальный и нормативный комплекс, интегрирующий глубинные смыслы, ценностные идеи, системную логику и современные законодательные техники, выходящие за рамки привычных для континентального права схем (рис. 1, табл. 1).

При столкновении с таким концептом китайского права, как «права личности», имеющим национальную специфику, процесс его перевода на русский язык прошел путь от поиска существующих аналогов до активного создания новых терминов, что отражает углубление его

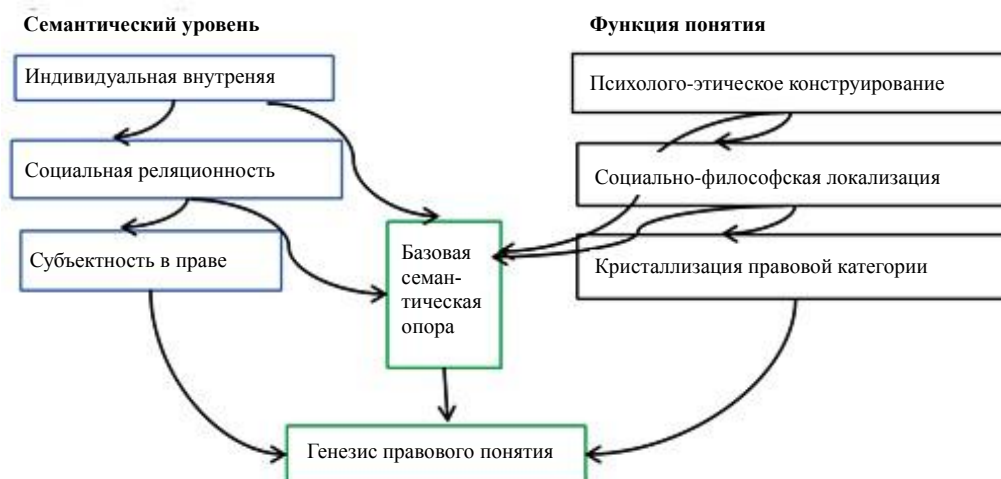

Рис. 1. Эволюционная модель семантической структуры китайского понятия «жэньгэ»

Fig. 1. The Evolution Model of Semantic Structure for the Chinese Concept of “Renge” (Personality / Personhood)

Таблица 1

Структурные инновационные характеристики
законодательного регулирования «жэньгэцюань»
в Гражданском кодексе Китая

Table 1

Structural Innovations in the “Personality Rights” Legislation
of China’s Civil Code

Инновационный аспект	Ключевая характеристика	Значение в сравнительно-правовом аспекте
Институционализация системы	Переход от зависимых норм к самостоятельной главе о правах	Прорыв за рамки традиционной структуры континентальной правовой системы
Активизация защиты	Переход от последующего восстановления прав к превентивному закреплению прав и системной защите	Формирование парадигмы активного гарантирования прав
Интеграция концепции	Восхождение от конкретного перечисления к открытой обобщающей категории	Достижение единства ценностей, норм и системы

познания. На начальном этапе перевода, основываясь на частичном совпадении содержания понятий, переводчики обычно переводили «права личности» как существующий в российской правовой системе термин «личные неимущественные права». Эта стратегия относится к адаптивному переводу, целью которого является ознакомление с новым правовым содержанием через уже знакомые русскоязычной аудитории концепты, чтобы снизить порог понимания. В российской правовой традиции «личные неимущественные права» представляют собой широкую, но относительно разрозненную категорию, включающую главным образом личные права, связанные с авторским правом, право на жизнь и здоровье, право на репута-

цию и т. д. Их ключевой правовой характеристикой является неотделимость от личности субъекта и отсутствие прямого экономического содержания.

Однако такой подход перевода имеет очевидные ограничения: «личные неимущественные права» в российском праве не существуют как самостоятельный раздел, параллельный разделу о вещных правах, как это имеет место в ГК Китая. Их положение в систематике кодекса, степень интеграции и системность норм значительно уступают разделу о правах личности в китайском законодательстве. В контексте российской правовой науки этот термин используется главным образом как антоним понятия «имущественные права», а его определение акцентирует отрицательный признак «неимущественности». В противоположность этому, ключевое содержание китайского понятия «права личности» заключается в позитивном признании и всесторонней защите «человеческого достоинства» и «личных интересов», а выделение их в отдельный раздел отражает системную, превентивную концепцию защиты прав.

Традиционные границы понятия «личные неимущественные права» в российском праве не полностью охватывают некоторые современные элементы, обладающие ярко выраженной эпохальной спецификой и присутствующие в разделе о правах личности ГК Китая, например системную защиту прав на персональные данные. Это приводит к пробелам в охвате содержания данным вариантом перевода. С выходом в 2020 г. авторитетного русского перевода Гражданского кодекса Китайской Народной Республики академические круги и связанные с ними СМИ постепенно перешли к использованию нового термина «права личности» в качестве эквивалента китайскому «*жэньгэцюань*». Этот переход знаменует собой смещение переводческой стратегии от преимущественной адаптации в сторону адекватной передачи своеобразия, являясь по сути креативной реконструкцией, основанной на концептуальном соответствии.

«Права личности» образованы сочетанием общеупотребительного слова «права» с существительным «личность». В русском языке, хотя «личность» является частотным словом, словосочетание «права личности» не представляет собой устоявшегося юридического термина; наиболее близким распространенным выражением является «права человека». Выбор слова «личность» как раз позволяет эффективно соотнести его с китайским понятием «人格 *жэньгэ*» на уровне правосубъектности (третье значение, описанное выше). Этот термин обозначает индивида как субъекта социальных отношений, обладающего правовым статусом, и его содержание выходит за рамки чисто биологического значения слова «человек». Таким образом, «права личности» в буквальном смысле могут быть поняты как «права, принадлежащие личности (правовому субъекту)» или «личностные права», что ближе отражает субъектность и нормативность, заключенные в китайском законодательном термине «права личности».

Создание этого термина преследует в основном следующие цели: обозначить концептуальные различия, напоминая русскоязычному читателю, что это уникальная институциональная конструкция, происходящая из китайской правовой системы; передать системную целостность, используя новый термин для целостного выражения концептуального содержания китайских «прав личности» как самостоятельной системы прав; избежать системных заблуждений, освободив перевод от специфических правовых традиций и системных ассоциаций, связанных с российским термином «личные неимущественные права» (рис. 2, табл. 2).

В рамках исследования транскulturации правового дискурса процесс перевода понятия «*жэньгэцюань*» на русский язык представляет собой не изолированный акт лингвистического замещения, а комплексный, многоуровневый транскulturационный процесс. Этот процесс наглядно демонстрирует, что для преодоления «концептуального разрыва» между правовыми системами требуется не одна, а взаимосвязанная совокупность стратегий, каждая из которых выполняет специфическую функцию в общей логике концептуальной транскulturации. Анализ данного кейса позволяет вывести за рамки простого перечня приемов и представить системную модель, объединяющую четыре ключевые стратегии транскulturации.

рации правового термина: адаптивное заимствование, креативную реконструкцию, межкультурную интерпретацию и авторитетную унификацию.

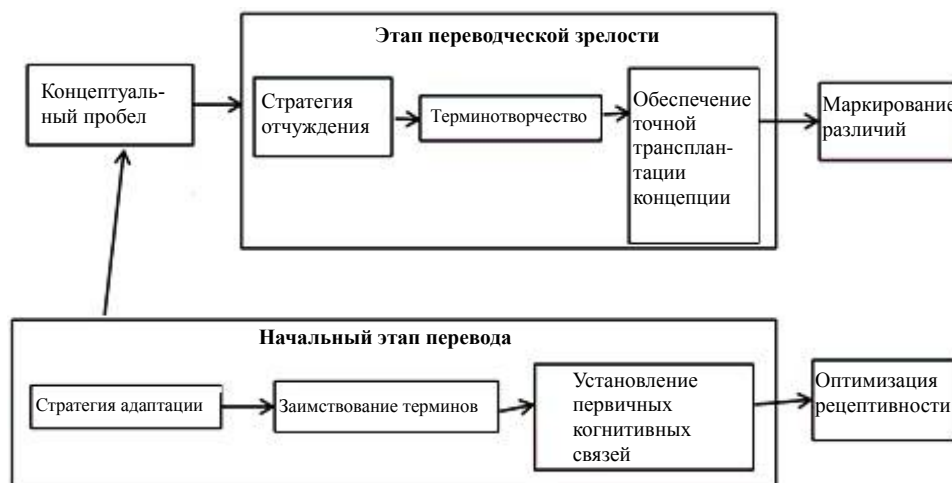

Рис. 2. Механизм динамического перевода стратегий передачи понятия «жэньгэцюань» («права личности») на русский язык
 Fig. 2. The Dynamic Transformation Mechanism of Russian Translation Strategies for “Personality Rights”

Таблица 2

Системная модель стратегий межкультурного перевода юридических терминов

Table 2

A Systemic Model of Strategies for Cross-Cultural Translation of Legal Terminology

Тип стратегии	Функциональное назначение	Способ реализации	Целевой эффект
Адаптивное заимствование	Познавательный мост	Использование близких понятий целевого языка	Снижение порога понимания
Креативная реконструкция	Трансплантация концепта	Создание нового термина или фразы	Точная передача уникальности
Межкультурная интерпретация	Смысловое дополнение	Сопровождение комментариями или сравнительными пояснениями	Полноценная передача концепта
Авторитетная унификация	Нормативное закрепление	Установление термина через авторитетные переводы	Обеспечение эффективности коммуникации

Прежде чем анализировать стратегии преодоления «концептуального разрыва», необходимо четко очертить его исторические и системные границы. Данный раздел призван углубить понимание уникальности «жэньгэцюань», рассмотрев его генезис в контексте модернизации китайского права и детально сопоставив с понятийным аппаратом российской цивилистики, чтобы выявить ту самую «зону перевода», где и разворачивается транскультурный процесс. Институционализация «жэньгэцюань» в отдельный раздел ГК КНР –

закономерный итог длительной эволюции китайской правовой мысли в рамках построения «социалистической правовой системы с китайской спецификой».

Этап заимствования и адаптации (конец XIX – середина XX в.). В процессе модернизации Китай обращался к опыту континентальной и советской правовых систем. Понятия защиты личности (честь, достоинство) упоминались в гражданских законах (например, в «Общих принципах гражданского права» 1986 г.), но не выделялись в системообразующую категорию, рассматриваясь скорее как охраняемые интересы в рамках деликтного права. «В традиционной системе континентального права права личности всегда находились в тени вещных и обязательственных прав, их защита носила фрагментарный и пассивный характер» [Ван Лимин, Ши Цзяю, 2020, с. 45].

Этап теоретического осмысления и доктринального созреваия (1980–2010 гг.). С экономическим ростом и социальными изменениями усилился запрос на защиту человеческого достоинства, частной жизни, персональных данных. В юридической науке развернулась дискуссия о необходимости системной и превентивной защиты личности. Китайские ученые обосновывали необходимость собственной, опережающей законодательной конструкции, адекватной условиям социалистического рынка и информационного общества, что стало интеллектуальной основой для реформы [Чжан Синьбао, 2003; Ван Лимин, Ши Цзяю, 2020].

Этап законодательной инновации и ценностного утверждения (принятие ГК КНР в 2020 г.). Выделение раздела о «жэньгэцюань» стало сознательным идеологическим и системным выбором, отражающим политику «верховенства права» и принцип «человек в центре». Официальные комментарии подчеркивают цели данного решения: ценностное провозглашение достоинства личности как основы общества; системная интеграция разрозненных норм в единый механизм; создание инструментов для защиты от новых цифровых угроз. Таким образом, «жэньгэцюань» является концентрированным выражением современной китайской правовой философии, синтезирующей заимствованные элементы с национальными задачами.

Формирование «жэньгэцюань» как уникального концепта создало сущность, глубоко укорененную в культуре и праве, что требует для ее транскulturации выхода за рамки простого перевода. Для наглядного выявления «концептуального разрыва», требующего преодоления в переводе, необходимо детальное сопоставление не только отдельных терминов, но и их места в системах права. Юридический перевод, как отмечает С. Сарцевич, является «актом коммуникации в механизме права», направленным на достижение правового, а не только лингвистического эффекта в целевой культуре [Sarcevic, 1997, p. 13, 72].

Стратегии перевода «жэньгэцюань» выступают как инструменты транскulturации – взаимодополняющие тактики для имплантации инородного правового концепта. Выбор формы «личные неимущественные права» – классическая стратегия адаптивного заимствования. Ее цель – обеспечить начальное понимание через функционально близкие категории принимающего дискурса [Сао, 2007, p. 48–50]. Она выполняет эвристическую и дидактическую функцию, снижая когнитивную нагрузку. Однако ее ограниченность в том, что функциональная близость не устраняет системного и концептуального несоответствия.

Осознание этих ограничений ведет к стратегии креативной реконструкции – конструированию новой языковой формы, как неологизм «права личности». Это выход за рамки поиска готовых эквивалентов для более адекватного вмещения уникального содержания [De Groot, 2006]. Стратегия направлена на повышение концептуальной точности и системной аутентичности. Креативная реконструкция сама по себе недостаточна. Требуется стратегия межкультурной интерпретации через предисловия переводчиков, научные комментарии, сравнительно-правовые сноски, которые разъясняют генезис, контекст и значение концепта⁶. Эта стратегия переводит процесс из плоскости номинации в плоскость объяснения, обеспечивая «пересадку» концептуального и ценностного ядра.

⁶ Harvey M. A Beginner's Course in Legal Translation: The Case of Culture-Bound Terms. Tradulex, 2000.

Наконец, для того чтобы созданный термин и его интерпретация стали эффективным инструментом коммуникации, необходима стратегия авторитетной унификации. Она заключается в закреплении конкретного варианта перевода через его принятие авторитетными источниками: официальными публикациями, ведущими научными переводами, академическими изданиями и научным сообществом [Sarcevic, 2015, p. 228]. Принятие «прав личности» в качестве де-факто стандарта в российском китаеведении и компаративистике – результат действия этой стратегии. Она выполняет нормативную и стабилизирующую функцию, устраняя терминологический хаос и создавая общее семантическое поле для последующего диалога. Согласно теории правового перевода, такая унификация является обязательным условием для достижения правовой определенности в межкультурном контексте [Sarcevic, 1997, p. 13, 72].

Эти четыре стратегии не являются строго последовательными этапами, а часто применяются синергично или циклически. Вместе они образуют динамическую модель транскультурации правового концепта, где тактики адаптации, гибридизации, интерпретации и институционализации взаимодействуют для достижения конечной цели – осмысленной интеграции «чужого» в «свое». Особую значимость в данном кейсе приобретает фигура переводчика. Тот факт, что термин «права личности» был создан и введен в оборот русскоязычными правововедами-переводчиками, а не китайскими специалистами, имеет принципиальное значение [Гражданский кодекс..., 2020; Трошинский, 2021; Основные положения..., 2022].

Это подчеркивает, что эффективная транскультурация не односторонний экспорт, а диалогический процесс, осуществляемый «внутренними агентами» принимающей культуры. Переводчик выступает здесь не пассивным передатчиком, а активным агентом и «инженером» транскультурации, который (1) диагностирует концептуальный разрыв на основе знания обеих систем; (2) проектирует лингвистическое решение («права личности»), оценивая его воспринимаемость и системную совместимость; (3) обосновывает свой выбор через интерпретацию (комментарии, предисловия); (4) легитимирует его через свой профессиональный авторитет, способствуя унификации.

В этом свете деятельность переводчика полностью соответствует логике транскультурации, требующей от ее агента не только двуязычия, но и двукультурной компетенции, а также готовности к концептуальному творчеству на границе систем. Создание термина «права личности» – это акт профессионального суждения и творчества в рамках правовых ограничений, результат которого становится инструментом для дальнейшего диалога между правовыми цивилизациями.

Таким образом, перевод термина «*жэньгэцюань*» служит иллюстрацией того, как через системное применение взаимосвязанных переводческих стратегий осуществляется сложная работа по сближению правовых реальностей. Этот процесс выходит далеко за пределы буквального преобразования, превращаясь в лабораторию по совместной транскультурации правовых смыслов в рамках российско-китайского правового диалога. Проведенное исследование концепта «*жэньгэцюань*» в русском переводе выявило, что данный процесс является сложным транскультурационным механизмом, выходящим за рамки лингвистического соответствия. Анализ показал, что транскультурация правового дискурса представляет собой форму совместного концептуального строительства через стратегический диалог культур.

Подтверждена гипотеза о том, что перевод уникального правового концепта представляет собой динамический процесс концептуальной навигации в рамках транскультурации. Реконструирована логика эволюции переводческих стратегий – от адаптивного заимствования формы «личные неимущественные права» к креативной реконструкции «права личности», обусловленная необходимостью преодоления «концептуального разрыва». Эффективная транскультурация требует системы взаимосвязанных стратегических тактик, выполняющих специфические функции при имплантации нового знания.

На примере данного кейса показано, что юридический перевод как инструмент транскультурации становится лабораторией по производству гибридных правовых смыслов, где клю-

чевую роль играет переводчик как агент транскulturации. Предложена практическая модель транскulturации правовых терминов, сочетающая точное терминотворчество с глубокой межкультурной интерпретацией. Принятие российской юридической общественностью термина «права личности» знаменует успешный акт транскulturации – завершение цикла имплантации гибридного концепта. Это свидетельствует о переходе к диалогической со-творческой логике и открытости правовых культур к конструктивному заимствованию.

Сформулированы практические рекомендации для международного распространения китайского правового знания: 1) выстраивать стратегические партнерства с экспертами – носителями целевых языков для взвешенного терминотворчества; 2) сопровождать перевод законодательных актов комплексным академическим комментарием для смысловой «подкормки» имплантации концептов; 3) развивать сравнительно-правовые исследования, сознательно выстраивающие концептуальные мосты. Частный случай перевода «*жэньгэцюань*» иллюстрирует общий принцип: в эпоху глобального правового плюрализма успешная транскulturация права возможна только на основе диалога, взаимного уважения и готовности к концептуальному творчеству. Именно такой подход позволяет правовым решениям китайского контекста через транскulturацию внести уникальный вклад в развитие общей правовой цивилизации.

Список литературы

- Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / Отв. ред. П. В. Трощинский; рук. проекта, ред. А. Р. Зайнигабинов. М.: Синосфера, 2020. 446 с.
- Основные положения ГК КНР: сравнительно-правовой анализ: Сб. науч. тр. М.: Статут, 2022. 216 с.
- Трощинский П. В.** Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 2. С. 56–68.
- Cao D.** *Translating Law*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 234 p.
- Groot G.-R. de.** *Legal Translation* // *Elgar Encyclopedia of Comparative Law* / Ed. by J. M. Smits. Cheltenham: Edward Elgar Publ., 2006. P. 423–424.
- Sarcevic S.** *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Kluwer Law International, 1997. 324 p.
- Sarcevic S.** *Challenges to Legal Translators in the 21st Century* // *Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives* / Ed. by S. Sarcevic. Farnham: Ashgate, 2015. 356 p.
- Ван Лимин, Ши Цзяю** (ред.). *Жэньгэцюань лифа дэ чжунго сыкао* [王利明, 石佳友 主编. 人格权立法的中国思考]. Размышления Китая о законодательстве в области прав личности. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2020. 667 с. (на кит. яз.)
- У Шэньхун.** Чжунго тэсэ фалюй шуой иньи: куньцин ю цзячжи сюаньцзэ [吴荻弘. 中国特色法律术语英译: 困境与价值选择//外语与外语教学]. Перевод на английский язык китайских юридических терминов с национальной спецификой: трудности и ценностные ориентиры // *Иностранные языки и их преподавание*. 2022. № 5. С. 125–133, 149–150. (на кит. яз.)
- Чжан Синьбао.** Жэньгэцюань фа дэ нэйбу тиси [张新宝. 人格权法的内部体系//法学论坛]. Внутренняя система права личности // *Форум права*. 2003. № 6. С. 104–107. (на кит. яз.)
- Чжан Фалянь, Ху Сяофань.** Лифа вэньбэнь фаньи сывэй тиси гоуцзянь чутань – и «Миньфа дянь» жэньгэцюань бянь иньи вэй ли [张法连, 胡晓凡. 立法文本翻译思维体系构建初探—以《民法典》人格权编英译为为例//上海翻译]. Предварительное исследование построения системы переводческого мышления при переводе законодательных текстов на примере перевода на английский язык Раздела о правах личности Гражданского кодекса КНР // *Шанхайские переводоведческие исследования*. 2023. № 2. С. 20–25. (на кит. яз.)

References

- Cao D.** Translating Law. Clevedon, Multilingual Matters, 2007, 234 p.
- Groot G.-R. de.** Legal Translation. In: Elgar Encyclopedia of Comparative Law. Ed. by J. M. Smits. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2006, pp. 423–424.
- Osnovnye polozheniia GK KNR: sravnitel'no-pravovoi analiz [Fundamental Provisions of the Civil Code of the People's Republic of China: A Comparative Legal Analysis]. A Collection of Scholarly Papers. Moscow, Statut Publ., 2022, 216 p. (in Russ.)
- Sarcevic S.** Challenges to Legal Translators in the 21st Century. In: Sarcevic S. (ed.). Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives. Farnham, Ashgate, 2015, 356 p.
- Sarcevic S.** New Approach to Legal Translation. The Hague, Kluwer Law International, 1997, 324 p.
- Troshchinsky P. V.** Kodifikatsiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Kitaya [Codification of Civil Legislation in China]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2021, no. 2, pp. 56–68. (in Russ.)
- Troshchinsky P. V., Zaynigabdinov A. R.** (eds.). Grazhdanskii kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki [Civil Code of the People's Republic of China]. Moscow, Sinosfera Publ., 2020, 446 p. (in Russ.)
- Wang Liming, Shi Jiayou** (zhubian). Regequan lifa de zhongguo sikao [王利明, 石佳友 主编。人格权立法的中国思考]. A Chinese Perspective on Personality Rights Legislation. Beijing, Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2020, 667 p. (in Chin.)
- Wu Changhong.** Zhongguo tese falv shuyu yingyi: kunjing yu jiazhi xuanze [吴茱弘。中国特色法律术语英译：困境与价值选择//外语与外语教学]. English Translation of Chinese-Specific Legal Terminology: Challenges and Value Choices. *Foreign Languages and Their Teaching*, 2022, no. 5, pp. 125–133, 149–150. (in Chin.)
- Zhang Falian, Hu Xiaofan.** Lifa wenben fanyi siwei tixi goujian chutan—yi <minfadian> renequan bian yingyi weili [张法连, 胡晓凡。立法文本翻译思维体系构建初探—以《民法典》人格权编英译为例//上海翻译]. Preliminary Study on Constructing a Framework for Legal Text Translation: A Case Study Based on the English Translation of the “Personality Rights” Section of China's Civil Code. *Shanghai Journal of Translators*, 2023, no. 2, pp. 20–25. (in Chin.)
- Zhang Xinbao.** Rengenquan fa de neibu tixi [张新宝。人格权法的内部体系//法学论坛]. Inner System of Personal Rights. *Forum of Law*, 2003, no. 6, pp. 104–107. (in Chin.)

Информация об авторе

Юэ Цян, PhD (Юриспруденция, Филология), доцент

Information about the Author

Yue Qiang – PhD (Law, Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 04.01.2026;
одобрена после рецензирования 24.01.2026; принята к публикации 30.01.2026
The article was submitted on 04.01.2026;
approved after reviewing on 24.01.2026; accepted for publication on 30.01.2026